

**Отзыв официального оппонента
на диссертационную работу Ласицкой Элины Владимировны
«Конструктивистское понимание субъекта в эволюционной
эпистемологии», представленную на соискание ученой степени
кандидата философских наук по специальности 09.00.01. – онтология и
теория познания.**

Представленная Э.В. Ласицкой диссертация нацелена на реализацию масштабного по замыслу проекта: дополнить позитивные и эвристические идеи эволюционной эпистемологии (далее ЭЭ) конструктивистской концепцией субъекта научного познания и творчества. Автор активно и аргументированно противостоит пан-адапционистским стереотипам толкования как биологической эволюции, так и, особенно, человеческой преобразующей, творческой деятельности.

Актуальность исследования обусловлена остротой и неоднозначностью результатов теоретических дискуссий второй половины XX- начала XXI в.в. как внутри философского сообщества, так и междисциплинарных методологических обсуждений в широком поле наук о человеке. На кону в таких дискуссиях стоит судьба многих «вечных» вопросов теоретической философии и современного мировоззрения – о месте человеческого рода в Универсуме, о границах его самопознания и возможностях научной методологии вообще, об условиях возможности объективного знания, о природе творчества, свободе и т.п.

В работе справедливо делается акцент на возможностях конструктивистского подхода в теории познания, на недостаточной содержательной ясности понятия субъекта познания в свете ЭЭ. Задача работы - сформулировать понятие «субъект познания» в контексте эволюционной динамики живого, подчеркнуть и аргументировать качественную разницу между человеческой деятельностью и поведенческой активностью животных, включая и самых «сообразительных» и наиболее сложно «социально» организованных. В русле этого замысла приводятся общетеоретические и конкретно-научные доводы, примеры и аргументы, выявляющие ограниченность ЭЭ, основанной на традиционных адапционистских и, возможно, селекционистских представлениях и постулатах.

Диссертант привлекает к решению поставленной задачи и обоснованию собственной позиции чрезвычайно богатый и разнородный материал. В качестве взятых за основу упомянуты, помимо классиков и активных сторонников ЭЭ, сторонники конструктивизма и энактивизма, когнитивизма и социального конструкционизма, генетической психологии и феноменологии, психологии восприятия и синергетики.

В свете таких исходных заявлений главный интерес при оценке диссертации представляет вопрос: насколько гармонично и системно автору удастся применить идеи и ресурсы столь разнородных теоретических комплексов и методологий? Удастся ли избежать не обеспеченных

теоретическим синтезом деклараций или поспешной малоубедительной эклектики? Представляется, что автор сумел избежать этой опасности, превратив богатство привлекаемого материала в дополнительный обосновывающий контекст для решения поставленных перед собой задач.

Автор несомненно прав, подчеркивая неустранимый статус понятия субъекта и субъектно-объектных нерасторжимых отношений для теории познания (и не только, конечно, для нее), а также опираясь на опыт (пост-)неклассического пересмотра его содержания. В структуру и сферу субъектности уже давно включают множество над- и вне-личностных факторов, факторов неосознаваемых непосредственно и лежащих вне рефлексивного контроля самого внимательного, проницательного и усидчивого индивида. Картезиано-кантианский образ познающего субъекта отслужил свое и реформирован на основе психоаналитических, социально-исторических, культурологических и коммуникативных подходов. Роль ЭЭ, с ее негативной реакцией на «недоговоренности» кантианства, пересмотр представлений об априорном в познании (начало чему предложил еще Г.Спенсер) велика и неоспорима. Все дело в том, как обоснованно разграничить вес и характер конструктивистских представлений и подходов применительно к качественному различию в поведении живых организмов всех уровней, с одной стороны, и формированию человеческих существ в фило- и онтогенезе, с другой. Когда К. Лоренц (если брать ближайшие к сфере влияния ЭЭ примеры), не без очевидного воздействия основополагающих идей кибернетики, тематизировал подход к жизни как информационному процессу (сбор, селекция, переработка, накопление, реализация и т.д. информации), то тем самым он уже заложил основы и придал импульс преобладающему сегодня и нарастающему по фронту и глубине когнитивистскому стилю и методу исследования в психологии восприятия, мышления, памяти, речи (у животных - сигнальной и даже знаковой коммуникации), принятия решений и всех прочих психических функций у человека. Следы кантианских идей об автономии, спонтанности и активности субъекта тут присутствуют несомненно, выполняя роль эвристики и концептуальных предпосылок. Конструктивистский характер физиологии активности живого Н. Бернштейна (монография 1947 г.) подчеркивается всеми участниками отечественных дискуссий о роли и границах конструктивизма в теории познания в последние несколько десятилетий.

Мне представляется, что автор хорошо справляется с задачей логичного и поэтапного анализа того, в каком виде и в какой роли присутствуют конструктивистские идеи в ЭЭ, в генетической психологии и психологии восприятия. Это отражено в хорошо продуманной структуре 1-й и 2-й глав. 3-я глава сводит воедино линии рассуждения автора и концентрируется на критике представлений о субъекте познания, характерных для ЭЭ, взятой в ее общей стилистике и основных постулатах. При всей головокругительной сложности и объёмности исследуемой проблематики, при задействованности

утверждений разного уровня обобщения и эмпирической обоснованности, автору, как мне представляется, на ограниченном текстовом пространстве удалось не только обозначить программные для себя тезисы и положения, но и внести вклад в критику когнитивного натурализма, очевидно недостаточного, а местами и прямо неадекватного, для теоретического описания и обоснования специфики человеческого в человеке – в измерении и личностного, и социокультурного его бытия-в-мире.

Отдельно можно упомянуть об очень уместных критических вопросах автора по адресу пан-когнитивизма, идущего от К. Лоренца (2 глава). Сегодня специалисты обсуждают тему о границах когнитивизма (а значит, о специфике нон-когнитивизма), о том все ли формы поведения, форм общения и творчества, даже интеллектуального труда, подпадают под излишне расширенное понимание познания. В этой связи возникает вопрос, как мне кажется, недостаточно акцентированный в работе: а как, собственно, соотносятся «когнитивное» и «конструктивное»? достаточно было бы просто контурно наметить без специального обоснования ряд разграничительных линий, тем более, что общей тенденцией пишущих на эту тему стало молчаливое отождествление или, по крайней мере, неразличение данных понятий.

Таким образом, как мне представляется, довольно амбициозные задачи и претензии на новизну, сформулированные во введении к работе, в целом реализованы. Автору есть, что защищать и на чем обоснованно настаивать.

При полном согласии с основополагающими идеями, замыслом и главными выводами данной диссертации, при положительной оценке репрезентативности проработанной и использованной специальной литературы, хочется, однако, обратить внимание соискателя на ряд замечаний и советов, которые следует учесть как при защите диссертации, так и при продолжении профессиональной работы в избранном тематическом поле.

1. Автор обошел вниманием ряд исследователей, которые выдвинули серьезные критические замечания в адрес широковещательных претензий адептов эволюционной и, шире, «натурализованной» эпистемологии, - это например, Р. Штайндл (русский перевод весьма содержательной работы которого опубликован в сб. ИФРАН «Познание в социальном контексте» 1994 года под ред. В.А. Лекторского и при рецензентах И.П. Меркулове и А.Л. Никифорове), А. Плантинга, М. Брэди и др. (не говоря уже о неокантианцах XIX – нач. XX в.в., первыми вступившими в полемику с дарвинистской экспансией в сферу теории познания, например, Алоизе Риле, В. Виндельбанде, П. Наторпе и мн. других). Мне представляется, что концентрация на теоретических аргументах противников ЭЭ помогла бы автору конкретнее говорить на тему человеческой субъектности, ее

специфики и недостаточности для этого не только «биологической» теории познания, но и современного когнитивизма (тем более, натуралистического когнитивизма) как программы.

При ознакомлении с иностранными источниками (которых, впрочем, немало в библиографии), при современных возможностях интернета, автор должен был бы поинтересоваться наличием прямых тематических аналогов его исследования в части, касающейся не-адапционистских версий ЭЭ и привлечь такие источники для подкрепления своей позиции (Nathalie Gontier, Jean Paul van Bendegem (eds.) Evolutionary Epistemology, Language and Culture A non-adaptationist, systems theoretical approach. Dordrecht: Springer, 2006 // <http://golibgen.io/view.php?id=546284>)

2. Обошел автор вниманием и такого влиятельного мыслителя и методолога, как Грегори Бейтсон (формально он упомянут среди широкого круга влиятельных теоретиков XX в.), чьи кибернетические и эволюционистские, в основе, идеи сыграли немалую эвристическую роль в современных представлениях о разуме, познании, творчестве и месте человека в Универсуме. С позиций идей Г. Бейтсона расхожие штампы многих сторонников ЭЭ про то, что «познание есть функция мозга», а «ментальное – это физическое свойство физического объекта, мозга» (например, у Дж. Серля) получают вескую оппозицию и предстают как абсурдные атавизмы и анахронизмы.

2. Для автора было бы полезно почетче определить ряд центральных понятий работы – «натурализм» (в теории познания), «когнитивизм»; да и основные черты конструктивизма не мешало бы перечислить в явном «конструктивном» виде. Тут дело не в педантизме, а в множественности трактовок в контексте современных многоголосых дискуссий. Принимать по умолчанию общепризнанность содержания данных высокопорядковых концептов – значит давать повод к недоразумениям и разночтениям в подразумеваниях.

3. Автор упустил из виду и не отметил в работе, что среди энтузиастов ЭЭ как нового и «подлинного» «Коперниканского поворота» есть немало мудрых, осмотрительных и сдержанных мыслителей, понимающих всю сложность задачи научного объяснения человеческого познания, свободы и конструктивной продуктивности воображения, т.е. самого феномена творчества. Это, например, Г. Фолльмер, Э. Эзер, Ч. Ламсен, работы которых автор, похоже, хорошо знает. Они весьма трезво оценивают границы ЭЭ, подчеркивая, что она позволяет прояснить в теории познания, а что – вне (возможно, пока) ее компетенции и ресурсов (в частности, но особенно, - творчество в теоретической науке во всех его видах).

4. Понятие субъекта познания – центральное в данной работе. Однако без точного эпистемологического определения этой стороны человеческого – индивидуального и родового – существования термин «субъект» превращается в расхожий маркер, указывающий на «человека» как нечто общее, размытое, само собой понятное, стирающее специфику многочисленных аспектов и граней его бытия, где множество черт и

проявлений к восходящему к философской классике понятию о субъектности не относятся и, скорее обнимаются понятием «актор» в этологическом и даже когнитивном смысле, - что самому автору никак не нравится. Хотя по контексту работы понятно, что именно автор считает неклассическим расширением и даже ревизией классического субъекта познания, его свободы, форм обусловленности и т.п.

5. Наконец, следует более сдержанно говорить о возможности некоего «исчерпывающего понимания познания человека и механизмов формирования его высших ментальных способностей, творчества, преобразовательной активности». Весь опыт XX века, с его бесконечными спорами и горами, даже завалами, теоретических аргументов и эмпирических фактов в области философии сознания, теории деятельности, соотношения каузального и интенционального (чего стоит одна только полемика П. Рикера против Д. Дэвидсона), свободы воли и границ ответственности личности, природы неосознаваемого, а также вокруг интерпретации результатов нейробиологии, генетики, информатики, роли социокультурных факторов и т.д и т.п. – все это вместе показывает, что уровень сложности проблемы и гетерогенности релевантных научных знаний в данной сфере ставит едва ли преодолимые барьеры для адекватного теоретического синтеза в обозримой перспективе. Сказанное не отменяет необходимости дерзких и смелых (хотя бы в смысле Н. Бора и К. Поппера) проектов и программ, идей и схем меж- и транс-дисциплинарного взаимодействия, интерпретаций границ и пробелов современного уровня науки. На своем уровне посильный вклад в такую работу вносит и данная диссертация.

Отмечу, однако, что сугубый, вплоть до агностических нот, скептицизм на преодоление давно осознанных дихотомий, несоизмеримостей и гетерогенных альтернатив в упомянутой области высказывали еще и сам К. Лоренц, и К.-Г. Юнг, и Т. Нагель, и Ж. Пиаже и мн. другие авторитетные теоретики. Сегодня в ходу своего рода компромиссные, дополнительностные (в смысле Н. Бора) концепции в стиле «мягкого» «не-редуктивного» физикализма, стремящиеся уйти и от кантианского имманентного трансцендентального субъектоцентризма, и от едва преодолимого, при всех оговорках и декларациях, призрака дуализма (Д. Чалмерс). Пример – концепция «гетерофеноменологии» Д. Дэннета, опирающаяся как раз на проект «натурализации» эпистемологии и всяческой феноменологии его учителя У. В. О. Куайна. Исповедуемый ЭЭ и «глобальным эволюционизмом» онтологический и методологический монизмы пока что даются только ценой утраты как раз уникальных черт и атрибутов человеческого творчества и его, человека, «аутопоэтической» преобразующей контр-адаптационистской активности.

Оценивая общие итоги работы Э.В. Ласицкой, считаю необходимым отметить уверенное владение соискателем обширным и разнообразным теоретическим материалом, широкую эрудицию, исследовательский

профессионализм, глубокое понимание ключевых проблемных узлов в поле современных теоретико-познавательных поисков.

В целом, как мне представляется, диссертационное исследование Э.В. Ласицкой выполнено на весьма высоком научно-теоретическом уровне, полностью находится в русле активно и плодотворно обсуждаемых в мировой и отечественной научной литературе затронутых в работе проблем. Полученные выводы убедительно обоснованы, получены на основе логически стройной композиции и организации привлекаемого обширного материала диссертации. Исследовательские результаты автора обладают признаками новизны, эвристичности и нетривиальности; они достаточно полно отражены в ее научных публикациях. Автореферат полностью и корректно отражает содержание диссертационной работы, совокупность положений которой позволяет говорить об оригинальном, новаторском подходе к трактовке заявленной научной проблемы. И тема и полученные результаты актуальны для современной теории познания. Практическую значимость работы я усматриваю в плодотворности и критической эффективности идей Э.В. Ласицкой, в возможности их учета и влияния на заинтересованных исследователей. Не в последнюю очередь следует принять во внимание преподавательский потенциал автора в условиях, когда курс по философии и истории науки по-прежнему остается в программе подготовки магистров и аспирантов.

Диссертация «Конструктивистское понимание субъекта в эволюционной эпистемологии» соответствует требованиям, предъявляемым ВАК при Министерстве образования и науки РФ к кандидатским диссертациям согласно пп. 9-11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Ласицкая Элина Владимировна заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01. – онтология и теория познания.

Официальный оппонент
к. филос. н., доцент
кафедры онтологии и теории познания
философского факультета
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова

Толстов Алексей Борисович
25 мая 2016 года

Подпись доцента Толстова А.Б. заверяю:

декан философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, член-корр. РАН, профессор

В.В. Миронов

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»,
философский факультет, 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус
«Шуваловский».

Тел.: + 7 (495) 939-19-25

email: info@philos.msu.ru